

© 1998 г., ЭО, № 6

А.Б. Крылов

АБХАЗСКОЕ СВАТИЛИЩЕ ДЫДРЫПШ: ПРОШЛОЕ, НАСТОЯЩЕЕ И УСТНАЯ ТРАДИЦИЯ*

Наиболее почитаемое современными абхазами древнее святилище Дыдрыпш расположено рядом с с. Ачандара Гудаутского р-на. Окружающая местность в течение многих веков представляла собой политический и культурный центр для всех абхазов: именно здесь в с. Лыхны располагался дворец владетельных князей Абхазии Чичба (Шервашидзе), рядом с которым, на Лыхненской поляне, на протяжении многих веков всенародные сходы решали наиболее важные общественные проблемы. Жители этой северо-западной – Бзыбской (по названию протекающей тут р. Бзыбь) – части Абхазии считают, что именно они, затронутые грузинским (точнее, мегрельским) влиянием в наименьшей степени, сохранили подлинные абхазские традиции, обычаи и язык в их первоизданной чистоте.

Даже на фоне соседних старинных абхазских сел Ачандара выделяется своей патриархальностью. Здесь сохранилось когда-то традиционное для Абхазии хуторское расселение, в селе не услышишь ругани и ссор, нет драк, воровства, многие дома вообще не запираются: на дверях нет ни замков, ни щеколд.

По оценке местных жителей, сейчас в селе проживает от тысячи до полутора тысяч чел. (около 350 дворов). В основном это люди среднего и старшего возраста, так как для получивших современное образование молодых повседневный крестьянский труд не слишком привлекателен и они предпочитают жить в городах. Усилению миграции молодежи в города способствовали последовавший вслед за распадом СССР жестокий экономический кризис, грузино-абхазская война 1992–1993-х годов и особенно введенная в декабре 1994 г. российская блокада Абхазии, которая привела к глубокому кризису местного товарного сельскохозяйственного производства. Теперь на месте еще недавно знаменитых ачандарских виноградников располагаются кукурузные поля, резко сократились площади, засеваемые табаком. Цитрусовые плантации, лишённые соответствующих минеральных удобрений и химической защиты от вредителей, вырождаются. В итоге село постепенно возвращается к натуральному хозяйству и дедовским методам обработки земли.

В условиях распада СССР и последующей жестокой ломки прежнего государственного механизма в современной общественной жизни оказались востребованными сохранившиеся в советский период традиционные институты абхазов¹, фамильно-патронимические структуры, местная система права и дохристианские религиозные культы. Активную роль в возрождении традиционных культов абхазов в постсоветский период сыграли святилище Дыдрыпш и его жрецы.

С незапамятных времен жрецами святилища Дыдрыпш являются представители абхазской фамилии² Чичба. Когда-то эта крестьянская фамилия была весьма многочисленной: согласно современной устной традиции, в середине XIX в. только в селе Ачандара ей принадлежало более 80 дворов. В трагические времена махаджирства – выселения горцев в Турцию под нажимом властей Российской империи в 1860–

* Полевые исследования в Абхазии проводятся Институтом востоковедения РАН при финансовой поддержке РГНФ. Проект № 97-01-18011 «Национальные общины Абхазии: положение на современном этапе».

1870-х годах – большинство Чичба, считавшихся мусульманами лишь формально, было вынуждено покинуть родину. К настоящему времени в Ачандаре сохранилось всего лишь девять дворов Чичба, остальные живут в Гудауте, Пицунде, Сухуми и других населенных пунктах Абхазии.

Несмотря на нынешнюю довольно скромную численность фамилии, составляющую в Абхазии вместе с несколькими потомками махаджиров, возвратившихся на родину из Турции после грузино-абхазской войны, около двухсот чел. (примерно 50 дворов), внутри нее сохранилось деление на несколько кровно-родственных групп – абипар, название которых восходит к имени общеродового предка – Антон, Ахмед, Батал, Гоч, Хаул и Хуссейн.

Согласно сведениям русской путешественницы графини П.С. Уваровой и абхазского просветителя Н.С. Джанашиа, по отдельности посетивших Ачандару в конце XIX в., в то время жрецом святилища Дыдрыш назначали самого старшего по возрасту мужчину из фамилии Чичба³.

В настоящее время, т.е. спустя 100 лет, при назначении жреца в первую очередь руководствуются моральными качествами претендента, а не его возрастом, который утратил определяющее значение. Родовая принадлежность теперь также не играет никакой роли в выборе жреца. Нынешний жрец Заур Чичба – энергичный худощавый мужчина лет шестидесяти. Он не является самым старшим в фамилии и принадлежит к абипаре Хуссейн (несколько его предшественников были из других родов фамилии Чичба).

Заур стал жрецом несколько лет назад – в 1992 г., после того как его предшественник Володя Чичба (именно так, а не Владимиром называли его все собеседники) умер от сердечного приступа вскоре после начала грузино-абхазской войны. До Володи примерно пятьдесят лет жрецом был Кунач, доживший до 108 лет, а до Кунача – его отец Халил.

В настоящее время жрецом может быть назначен только тот из Чичба, кто отличается «кристальной чистотой»: честностью, достойным поведением в течение всей жизни, т.е. человек, абсолютно безукоризненный со всех сторон. Незадолго до смерти Володи, имевший троих сыновей, определил Заура, принадлежащего к другому роду фамилии Чичба, как наиболее подходящего для занятия жречеством, и впоследствии на семейном сходе Чичба согласились с его выбором.

За семейным сходом «чичбовцев» (по местному выражению) сохраняется право сместить жреца, если он в чем-то провинится. В далеком прошлом такие прецеденты бывали, но за давностью лет никто из собеседников не смог вспомнить ни одного конкретного примера смещения жреца.

Семейный сход очень подробно обсуждает кандидатуру будущего жреца. Регулярно встречающиеся родственники знают друг о друге практически все, и им трудно ошибиться в своем выборе. Вполне закономерно, что случаев назначения жрецом недостойного и его последующего смещения на памяти Заура и других наших собеседников, т.е. по крайней мере в течение всего XX столетия, просто не было.

Согласно рассказу жреца Халила Чичба, записанному этнографом Григорием Чурсиным в 1925 г., святыня Дыдрыш была «поручена его предкам народом как людям высокой честности и справедливости»⁴. Чурсиным же записаны предания о том, что первоначально жрецами святилища Дыдрыш были члены фамилии Сацба, а затем – Ачба, у которых эта должность была отобрана владетельным князем Абхазии за недостойное поведение и передана фамилии Чичба⁵.

Видимо, у абхазов существует много разных преданий о том, каким образом Чичба стали жрецами, и версия, рассказанная автору Зауром Чичба летом 1996 г., имела мало общего с записанной за шесть десятилетий до этого Чурсиным. Заур Чичба рассказывал, что в незапамятные времена Ачба были одновременно местными князьями и жрецами. Случилось так, что в плену одновременно оказались сын князя и сын крестьянина Чичба. Когда Чичба приехал выкупать из плена своего сына, то он увидел вместе с ним юного Ачба, заплатил за него все имевшиеся деньги, привез к

отцу и тут же начал собираться обратно – за своим сыном. Князь, пораженный поведением крестьянина, созвал жителей Ачандары и сказал им, что единственным способом достойно отблагодарить Чичба за проявленное великодушие будет передача ему и его фамилии жреческих функций.

С тех пор, по словам Заура, княжеская фамилия Ачба и крестьянская фамилия Чичба жили «как братья»⁶ и жрецами святилища могли быть только представители фамилии Чичба. Только они сами могут передать жречество представителям другой фамилии, однако если они сделают это без внутреннего убеждения в пользе такого шага, из каких-либо конъюнктурных соображений, то их фамилия может понести жестокое наказание со стороны божественных сил.

Несмотря на то, что согласно устной традиции, в древности абхазские князья могли быть одновременно и жрецами, в настоящее время жрецами всех абхазских святилищ, по словам Заура Чичба, являются представители крестьянских фамилий. Объяснял он это тем, что князья и дворяне как люди, чья деятельность была связана с политикой, интригами, притворством и властью над людьми, не могли быть «кристально чистыми», а значит, не подходили для роли жрецов. Тем более не подходящими для этой роли считаются представители когда-то зависимых сословий – *ахую* и *ахашалов*. И действительно, в настоящее время, как и в прошлом, большинство жрецов абхазских святилищ принадлежит к сословию свободных крестьян – *анхаю*. Но есть и исключения: например, жрецами святилища Лых-ныха в соседнем с Ачандарой с. Лыхны являются представители фамилии Шакрыл, относящиеся к сословию *аинакума*, занимавшего промежуточное положение между крестьянами и дворянами.

Большинство абхазов говорит на русском языке свободно и без акцента, он остается для них вторым родным языком, которым многие владеют намного лучше, чем абхазским. Но у Заура Чичба русский язык вызывал большие проблемы: при довольно правильном построении фраз ему явно не хватало словарного запаса, и в беседах с ним часто приходилось пользоваться услугами переводчика из числа грамотных ачандарцев. Причина крылась в особенностях абхазской истории 1930–1940-х годов, на которые пришлось детство и юношество сверстников Заура.

В 1937 г. его отец был обвинен в троцкизме и погиб в сталинских застенках, оставшиеся без кормильца и лишившиеся почти всего имущества вдова и шестеро детей несколько лет жестоко голодали. С самого детства Заур работал пастухом и одновременно учился в местной школе. Когда он был в пятом классе, большинство прежних учителей было репрессировано, в школу прислали учителей-грузин и обучение было переведено исключительно на грузинский язык – совершенно не понятный местным жителям.

Несколько лет продолжалось переучивание на грузинском, но вскоре после смерти И. Сталина, по единодушному требованию абхазов, преподавание вновь было переведено на абхазский и русский языки. Заур опять пошел в пятый класс, а из восьмого его мобилизовали на службу в советскую армию. После демобилизации он работал в колхозе, одновременно с трудом закончил десять классов вечерней школы, но мечты о продолжении образования в техникуме пришлось оставить из-за явной скудности полученного образования и недостаточного знания русского языка.

В фамилии Чичба, как и в других абхазских фамилиях, все представления о Дыдрыпше, о правилах общения с высшими силами и порядке совершаемых при этом ритуалов передаются в устной традиции, а регулярно присутствующие на молениях дети «впитывают в себя» законы и нормы поведения в святилище с самого раннего возраста.

По словам Заура Чичба, верховный Бог *Анцаэ*⁷ – один у всех людей и именно его по-своему почитают последователи всех мировых религий. У Бога имеются *апаимбары*⁸ – «ангелы, высшие существа, слуги и представители Бога на Земле», которые докладывают ему обо всем, происходящем на ней. Одним из таких ангелов является Дыдрыпш. Наряду с ним в Абхазии есть и другие апаимбары: Ылыр, Лдзаа, Лых, Ынал, но, по утверждению ачандарцев, Дыдрыпш среди них – наиболее почитаемый.

Поначалу Дыдрыпш жил на Земле, как обычный человек, и выделялся только своей красотой, манерой говорить и праведным образом жизни. В то время в нем сочтались человеческое и божественное начала. Как человек Дыдрыпш был подвержен болезням, о чем свидетельствует местная легенда о появлении родника рядом с нижней молевой поляной у подножия горы. Согласно этой легенде, однажды Дыдрыпш заболел и настолько обессилел, что не мог дойти до источника и уже погибал от мучительной жажды. Тогда он обратился к Всевышнему с мольбой о помощи, и после этого из земли забил источник с чистой и вкусной водой.

Божественная природа Дыдрыпша позволяла ему точно предсказывать судьбы, лечить больных, и поэтому люди в конце концов поняли, что он не простой человек, а ангел. После этого несовершенные по своей природе люди стали беззастенчиво злоупотреблять временем и терпением Дыдрыпша. Тот, видимо, совершенно замученный мелочными людскими просьбами и человеческой вздорностью, пришел к Богу и спросил, что ему делать? Бог решил сделать Дыдрыпша невидимым, как и он сам, и с тех пор невидимый Дыдрыпш, передвигающийся на крылатом коне по имени Араш, присутствует повсюду.

Хотя Дыдрыпш присутствует повсюду, местом его постоянного обитания считается расположенная рядом с с. Ачандара невысокая, заросшая лесом гора Дыдрыпш-ныха, у подножия которой находится святилище. Название горы, состоящее из двух частей – имени Дыдрыпш и слова *анныха*, означающего по-абхазски «святыню, священное место», было переведено Зауром Чичба как «священное место обитания ангела Дыдрыпш». Кстати, многие авторы полагали, что абхазы почитают священную гору, и находили в этом параллели с культурами в других частях света. Тот же Григорий Чурсин, например, писал о Дыдрыпш-ныхе, что «почитание гор почти в таких же формах распространено, как известно, по всему миру», и в качестве иллюстрации приводил почитание гор сахалинскими гиляками, алтайскими тюрками, монголами, камчадалами и другими народами⁹.

По словам Заура Чичба, мнение о том, что абхазы почитают «священную гору» является совершенно безосновательным. На самом деле они почитают Дыдрыпша – ангела, представляющего Бога, а гора рассматривается как священная лишь в качестве места его обитания.

Помня о первоначальной истории взаимоотношений Дыдрыпша с людьми, его почитатели до сих пор считают, что апаймбара нельзя беспокоить по мелочам – это может только разгневать его. Обращаться к нему за помощью разрешается лишь в тех случаях, когда абхазскому народу и Абхазии угрожает реальная опасность либо когда люди сами не в состоянии выяснить истину и решить какие-то действительно важные для них проблемы. В то же время, жрец, к примеру, не может обращаться к Дыдрыпшу с просьбой помочь бездетной женщине, спасти умирающего человека, вылечить больного и в подобных случаях, так как судьбы людей «предопределены Богом и тут ничего нельзя изменить».

В тех вопросах, которые не касаются предопределенной Богом судьбы, при посредничестве жреца можно попросить помощи у Дыдрыпша. Например, Дыдрыпш может своей силой исправить грешников и таким образом «сделать плохих людей хорошими». Многие местные жители совершенно уверены, что после обращения человека к Дыдрыпшу его обидчики непременно понесут наказание, преступники, почувствовав гнев Дыдрыпша, и под угрозой гибели собственного рода раскаются, а судьба просителя изменится к лучшему. Мои собеседники приводили десятки примеров подобного рода.

Кара Дыдрыпша может принимать самые разные формы в зависимости от многих обстоятельств. Виновный может быть наказан через десять и даже через сто лет, так что часто у него есть время одуматься, прийти и сознаться в своей вине. Если же он продолжает упрямствоваться и не желает раскаиваться, то в результате всевозможных бед и напастей, посылаемых сверхъестественными силами, может погибнуть не только сам преступник, но и вся его семья и даже весь род и фамилия.

Принцип коллективной ответственности рода за своего члена является одной из характерных черт традиционного абхазского права. Этот же принцип подтверждается в тексте приносимой Дыдрышшу клятвы. Подозреваемый в преступлении вначале заявляет о своей невинности, а потом должен произнести следующую фразу: «Если я виновен, пусть погибну я и моя семья».

Ачандарцы приводили примеры, когда после принесения ложной клятвы человек погибал на месте либо по разным причинам начинали умирать родственники клятвоступника и он был вынужден признаться в своей вине. Искренняя вера местных крестьян в могущество Дыдрышша в сочетании со свойственной абхамам ответственностью за судьбы своих близких в большинстве случаев являются достаточной гарантией истинности приносимой присяги, и решиться на ложную клятву, судя по всему, могут лишь немногие.

Если люди просят Дыдрышша о чем-то, что не может быть исполнено сразу, благодарственная жертва приносится только после исполнения их просьбы. Если же обвиняемый присягает в собственной невинности, он приносит жертву перед восхождением к святилищу. Так происходит в том случае, если человек утверждает, что он совершил убийство случайно, а родственники погибшего настаивают на том, что его действия были преднамеренными. Чтобы выяснить истину и избежать опасности возникновения кровной мести между двумя втянутыми в конфликт фамилиями, требуется подняться к святилищу. Там сопровождаемый своими поручителями из числа друзей и родственников подозреваемый вслед за жрецом произносит клятву: «Я убил его случайно, если же я сказал неправду и убил его преднамеренно, пусть я не уйду отсюда».

Мои собеседники утверждали, что бывали случаи, когда после принесения ложной клятвы преступник умирал на месте, причем после этого его не могли поднять несколько сильных мужчин, так как «земля не отдавала тело грешника». Чтобы забрать тело для погребения, родственники погибшего должны были принести в жертву белого барашка, после чего жрец просил Дыдрышша: «Отдай нам его кости, ты уже показал правду, теперь разреши нам забрать его». По свидетельству собеседников, после такого жертвоприношения два человека без какого-либо труда поднимали и уносили покойника.

Аналогичным образом производится присяга человека, который подозревается в совершении тяжкого преступления, например в убийстве, но доказать его вину другими способами не представляется возможным. По свидетельству ачандарцев, некоторые подозреваемые, действительно совершившие те преступления, в которых их обвиняют, боясь подниматься к святилищу для принесения очистительной клятвы, были вынуждены признать свою вину. По утверждению Заура Чичба, к помощи сверхъестественных сил святилища Дыдрышш довольно часто прибегают работники прокуратуры и суда. Когда современное правосудие не в состоянии разобраться в деле и доказать вину подозреваемого, правоохранительные органы посылают его к жрецу для принесения очистительной клятвы в святилище Дыдрышш. Данная там клятва в невинности считается достаточным основанием для снятия с него всех обвинений.

Жрец совершает жертвоприношение на рассвете. Затем он становится лицом к восходящему солнцу и обращается к Богу со словами прославления, просьбой помочь пришедшим людям в их деле и заканчивает свою речь словом «Аминь». К просьбе присоединяются все пришедшие: вначале вслед за жрецом «Аминь» повторяют стоящие к нему лицом в ряд по одному мужчины. За ними «Аминь» произносят женщины, также располагающиеся в один ряд справа от жреца – между ним и мужчинами.

Затем пришедшие в сопровождении жреца поднимаются к расположенной в небольшой грабовой роще у подножия горы поляне, где одно из деревьев огорожено круглой невысокой каменной оградой. Это дерево настолько мощное, что его ствол разрушил часть ограды и теперь как бы заменяет ее собой. В ствол огороженного дерева вбиты полоска железа и большой гвоздь, к которым прикреплены вилы без древки и несколько мелких железных предметов крестьянского инвентаря. Внутри

ограды – на земле стоит полускрытая опавшей листвой небольшая медная чаша. Повернувшись лицом к огороженному грабу и горе Дыдрыш-ныха, жрец обращается к высшим силам и просит их раскрыть истину в деле, с которым пришли люди, простить грехи раскаявшимся и т.п., после чего пришедшие, держа в руках горящие свечи, излагают свою просьбу Дыдрышшу.

Чуть выше нижнего святилища расположена другая поляна, на которой стоит несколько «сотворенных природой каменных сидений». На эту поляну жрец поднимается только в исключительных случаях. Чаще всего он, считая, что дело не требует восхождения даже к нижней поляне, обращается к Божеству с того места, где совершалось жертвоприношение. Как объяснил Заур Чичба, «Дыдрыш – по-всюду» и, совершив жертву, жрец может к нему обратиться откуда угодно, «даже из России».

Пока пришедшие заняты общением с божественными силами и рассмотрением дела, приведшего их к жрецу, женщины на участке у дома жреца готовят угощение для пира – мясо жертвенного животного, *абыста* (традиционно крутая каша из просяного зерна, а ныне из кукурузной муки) и другие блюда традиционной абхазской кухни. Возглавляет работу старшая женщина из фамилии Чичба, называемая «месящая тесто», ей помогают молодые женщины фамилии – «помощницы». Дело завершается пиром на обширной лужайке рядом с домом жреца или, если пришедших немного, – в расположенном тут же небольшом деревянном помещении.

Подниматься к святилищу можно только в сопровождении жреца, выступающего посредником при общении Дыдрыша и человека. Запрет этот, судя по всему, соблюдается довольно строго: даже члены двух семей, живущие совсем рядом со святилищем (они не Чичба, а представители других абхазских фамилий), не имеют права подниматься на гору без жреца и тем более служить проводниками для чужаков. Кстати, возведенные по соседству с нижней поляной невзрачные дом и хозяйственные постройки, а также труба, в которую ныне заключен родник, и расположенный тут же железный куб-наполнитель для воды изрядно испортили вид священной поляны. Однако остался неизменным обзор, открывающийся со склона горы, по которому проходит дорога к святилищу: панорама омываемой морем Бзыбской части Абхазии; видевшие ее путешественники XIX в. справедливо считали это место одним из красивейших на Кавказе.

Жрец является как бы поручителем перед Дыдрышем в том, что проситель излагает все обстоятельность дела без обмана, поэтому еще до обращения к Дыдрышшу проситель должен прийти к жрецу в один из приемных дней и подробно рассказать о своем деле. По понедельникам и четвергам жрец занимается «следственными делами»: принимает людей, которые решили принести клятву в собственной невиновности, потерпевших, желающих найти оставшихся неизвестными преступников, либо наказать их при помощи божественных сил и т.п.

По вторникам и воскресеньям приходят те, кто когда-то принес ложную клятву и впоследствии раскаялся в этом, кто хочет очиститься от своего греха и получить прощение людей и божественных сил, совершив жертвоприношения, вернув потерпевшим похищенное, выплатив выкуп за нанесенный людям ущерб и т.п. Жрец выступает лишь посредником при общении людей с Богом, и поэтому он не может брать никакой платы за свой труд.

Перед тем как подняться к святилищу, жрец должен какое-то время воздерживаться от близости со своей женой, в остальном же он ни в чем не ограничивается и никакого поста не соблюдает. Раньше во время церемонии восхождения к святилищу жрец облачался в специальные белые праздничные одежды. Просители также должны быть одеты чисто и нарядно, лучше всего в белое, так как «общение с Дыдрышем – для людей праздник» и они должны выглядеть соответствующим образом. В настоящее время, однако, жрец сам вынужден нарушать прежние правила: после смерти Володи Чичба его жреческое одеяние не подошло не похожему на него высокому и худому Зауру, поэтому уже несколько лет жрец совершает моления в белой бурке и национальном абхазском костюме коричневого цвета, сохранившемся с

советских времен, когда в Ачандаре существовал фольклорный ансамбль. Теперь во время церемоний лишь на голове у Заура остается сверкающая белизной подобающая случаю *ахтырна* (башлык).

Обращаться с просьбами к Дыдрышшу могут не только абхазы. В этом отношении не существует никаких ограничений для представителей других народов. По словам Заура Чичба, раньше к жрецу по различным поводам приходили «армяне из Адлера, проживавшие в окрестностях грузины, русские из разных частей Абхазии, Сочи и других мест».

Для женщин также не существует никаких особых ограничений (разумеется, при строгом соблюдении установленных порядков) в посещении святилища, более того, их присутствие даже обязательно во время торжественных массовых молений, когда они вслед за молитвой жреца хором произносят: «Аминь!». Дети же могут подниматься к святилищу только в дни больших праздников, когда люди «всем миром благодарят Дыдрышша». Однако туда не могут подниматься беременные женщины и их мужья, так как они «находятся в большом волнении», а также люди, носящие траур. Запрет этот строго соблюдается. К примеру, жрец во время массовых молений несколько раз запрещал подниматься к святилищу одному настойчивому священнику-абхазу, пока тот не снимет с себя «знаки траура»: он требовал сменить черную рясу на белую одежду, сбрить бороду, а также чисто помыться. Доводы священника о том, что они служат одному Богу, но только каждый по-своему, не произвели никакого впечатления на жреца, ответившего, что «тут свой покровитель и к нему нужно приходить по его законам».

В советские времена служба продолжалась только в святилище Дыдрышш, так как жрецы других абхазских святилищ под давлением властей прекратили свою деятельность. После окончания грузино-абхазской войны несколько традиционных абхазских святилищ были возвращены к жизни. Хотя, по свидетельству ачандарцев, Дыдрышш является «старшим» среди апаймбаров, не существует никакой зависимости или порядка подчиненности жрецов одних святилищ по отношению к другим. В то же время святилище Дыдрышш как наиболее почитаемое сохранило за собой статус абхазской общенациональной «последней инстанции», к которой человек из отдаленных от Ачандары мест имеет право обратиться лишь в том случае, если он не может выяснить истину или решить свои проблемы в местном святилище.

Рассказывают, что в прежние времена в Абхазии существовал совет жрецов. Возобновление работы нескольких абхазских святилищ – Лдзаа-ныха, Лых-ныха, Ылыр-ныха и Лашкендар – предполагает регулярное общение жрецов между собой, и поэтому, по мнению Заура Чичба, будет вполне логичным воссоздать в будущем совет жрецов Абхазии. Вместе с тем функционирование подобного органа станет оправданным лишь в том случае, если жрецы возобновленных святилищ сумеют добиться у местного населения авторитета и влияния, сопоставимого с тем, которым пользуется в среде абхазов святилище Дыдрышш, а это – весьма сложная задача.

Почти все посещавшие Ачандару ученые и путешественники отмечали, что местные жители искренне убеждены во всемогуществе и всевидении Дыдрышша и в подтверждение этого были готовы привести множество случаев из жизни. Обычно такие чудеса описывались с чужих слов, но довольно часто собеседники утверждали, что собственными глазами видели различные сверхъестественные явления. Характерно, что многие абхазы, причем не только преклонного возраста, до сих пор склонны видеть прямую связь между происходившими в прошлом историческими событиями и сверхъестественной силой Дыдрышша. При этом они, как бы предвидя скептическое отношение своего собеседника к предлагаемой трактовке событий, заранее предупреждали, что не настаивают на ней, а лишь излагают факты, по которым любой человек сам сможет оценить произошедшие события и судить о степени могущества Дыдрышша. Вот лишь некоторые из приведенных автору Зауrom Чичба и другими ачандарцами свидетельств такого рода.

Когда жрецом был Халил Чичба, из Тбилиси в Ачандару приехала группа ученых.

В сопровождении семи местных проводников (фамилии которых известны всем местным жителям, но Заур Чичба по каким-то причинам решительно отказался их назвать) группа в отсутствие жреца, которого в это время не было в селе, поднялась к святилищу. Оттуда ученые забрали с собой все предметы культа: толстую над-очажную цепь, топорик, молоток, черпак и другие предметы крестьянского инвентаря, сделанные из золота¹⁰.

Возвратившийся Халил Чичба через несколько дней обнаружил пропажу и проклял похитителей следующими словами: «Пусть, если это возможно, они получат то, что заслужили. Ты видел, а мы не видели, что тут произошло и кто это сделал. Покажи нам их так, чтобы они пришли отмаливать свой грех». Через некоторое время начали умирать родственники тех семи абхазов, которые были проводниками. Сознавая, что это наказание, посланное высшими силами, они пришли к жрецу с просьбой «отмолить» их грех. Не имея возможности вернуть украденное, они обещали жрецу в случае своего прощения «вернуть цену украденных предметов». Однако жрец потребовал вернуть сами похищенные предметы и отказался без них обращаться к Дыдрыпшу с просьбой о прощении виновных. Он предложил просителям самостоятельно, как они сделали это в прошлый раз, подняться к святилищу без него и самим попросить Дыдрыпша о прощении.

Грузинские ученые также почувствовали на себе гнев Дыдрыпша и приезжали к жрецу с просьбой о прощении. Как и их абхазские проводники, они не знали, где находится украденное из святилища, и не могли его вернуть, но обещали за свое прощение сделать точные копии предметов из чистого золота. И в этом случае жрец ответил, что вернуть необходимо сами похищенные вещи. После этого в Ачандаре никто не слышал о грузинских ученых, и их дальнейшая судьба неизвестна. Местных же абхазов-проводников давно нет в живых, «на месте их домов растет трава, а семьи умерли от всевозможных болезней и несчастных случаев».

Необходимо отметить, что последним из описавших святилище до изъятия оттуда культовых предметов был Григорий Чурсин (в 1925 г.) и сам по себе факт этого изъятия, или, как его воспринимают местные крестьяне, кражи, не вызывает сомнений. Однако современная интерпретация событий явно несет на себе отпечаток нынешнего острого грузино-абхазского конфликта. О том, что инициаторами данного изъятия могли быть не только «грузинские ученые», может, в частности, свидетельствовать тот факт, что Заур Чичба и некоторые другие местные жители указывали, что изъятые предметы (или их часть) хранятся в Эрмитаже.

Наряду с наказанием преступников Дыдрыпш славится своим заступничеством за безвинно страдающих, и в этом собеседники также видели свидетельство его могущества. По их рассказам, во время репрессий 1930-х годов жрец Кунач Чичба был арестован и приговорен к смерти за то, что, по мнению властей «занимался не тем, чем надо». Его родственники поднялись к святилищу и попросили у Дыдрыпша заступничества. Через три дня Кунача выпустили, но после этого власти прислали к жрецу «авторитетных Чичба» (видимо, из числа сделавших административную или научную карьеру членов фамилии), для того чтобы они убедили его прекратить службу Дыдрыпшу. Кунач не вял уговорам, сказал, что если он согласится на это, божество «прогневаётся на нас и народу будет плохо». И хотя впоследствии власти постоянно вызывали и запугивали жреца, они не препятствовали Куначу продолжать свою деятельность совершенно открыто.

Как рассказывали собеседники, было много попыток разрушить святилище, вырубить священные деревья или другими способами осквернить Дыдрыпш-ныху. Дыдрыпш жестоко наказывал за такие попытки, и ачандарцы сохранили в своей памяти много примеров подобного рода. Во время одной из таких попыток «инженер» приказал снести святилище, и на гору были посланы рабочие. Когда они направились туда, «собрались тучи, ударил гром и жена инженера ослепла от яркого света». Сам инженер, «наблюдавший за рабочими со специально выстроенной для этого вышки», был убит ударом молнии. За рабочими был специально послан всадник, который сказал

им, что инженер наказан Богом и погиб, после чего они в ужасе возвратились обратно. Об этом случае вспоминали многие ачандарцы, причем, по словам Заура Чичба, свидетелем трагедии была его мать, прожившая 95 лет и умершая лет 20 назад.

Нельзя не заметить, что записанный Н. Джанашиа в 1897 г. рассказ о гибели людей, которые были с русским землемером, и его самого от удара молнии¹¹ своими обстоятельствами весьма напоминает приведенный случай. Возможно, речь идет об одном и том же историческом событии и различия в деталях объясняются изменениями, произошедшими в ачандарской устной традиции с течением времени.

«Шрам», пересекающий Дыдрышпи-ныху наискосок и хорошо видный издалека, является свидетельством попытки начать на горе и в ее окрестностях промышленную заготовку леса. По словам ачандарцев, многие из них сами были свидетелями тех событий, которые, по их воспоминаниям, произошли лет 20–25 назад. Тогда рабочие прокладывали по горе дорогу для лесозаготовителей при помощи взрывов. Они успели построить довольно длинный участок дороги, но затем «терпению Дыдрышша пришел конец» и один из взрывов произошел «в обратную сторону». В результате трое рабочих погибли, вся техника была уничтожена горным оползнем и для разбора происшествия из Тбилиси приехал начальник строительства. Этот начальник не смог найти никакого разумного объяснения произошедшему, так как, по его словам, взрыв просто не мог произойти «в обратном направлении». Тогда местные жители рассказали ему о Дыдрышше, и начальник, очень расстроенный, что не знал о нем до начала работ, приказал их прекратить, и лесозаготовители больше никогда не посягали на лес, растущий на горе.

Пожалуй, одну из основных «функций» Дыдрышша собеседники видели в защите абхазского народа и Абхазии, что совершенно явно прослеживается в устной традиции. Теперь уже ни один из собеседников не вспомнил записанных авторами XIX в. легенд о многочисленных примерах заступничества Дыдрышша и чудесном избавлении Абхазии от набегов воинственных северокавказских горцев и соседних садзов. Легендарные события вытенились более поздними, но логика рассуждений осталась прежней. Это ясно видно, к примеру, в изложении событий второй мировой войны, которую ачандарцы вспоминали следующим образом: «Тогда немцы прошли горные перевалы и подошли к Ачандаре (это было в конце 1942 г. – А.К.), а в селе совсем не осталось мужчин, которые могли бы его защитить – все они еще раньше ушли на фронт. К жрецу пришли люди и попросили, чтобы он обратился к Дыдрышшу с просьбой заступиться за Абхазию. Жрец Кунач Чичба с женщинами и детьми (среди них был и маленький пастушонок Заур Чичба) поднялся на гору и произнес молитву: "Того, кто упал на нас – верни обратно на свою землю". Через месяц после этого немцы были разгромлены под Сталинградом, в войне произошел перелом и она закончилась поражением Германии».

В 1949 г. абхазам вновь понадобилась помощь Дыдрышша: всемогущий тогда глава советской службы безопасности и органов внутренних дел Лаврентий Берия приказал выселить абхазов (как и греков) из Абхазии, и на железнодорожных путях уже стояли предназначенные для этого эшелоны. Людям было объявлено, что в течение 24 ч. они должны собрать вещи, после чего все будут выселены. Жрец Кунач Чичба с женщинами и детьми поднялся на гору и попросил у Дыдрышша заступничества. После этого эшелоны ушли без абхазов (греки же, как известно, были выселены поголовно. – А.К.).

По словам ачандарцев, Дыдрышши вновь проявил себя как заступник абхазского народа после распада СССР и во время грузино-абхазской войны. Произошло это следующим образом. В 1989 г. в Ачандару приехали «разные уважаемые люди из всех районов Абхазии» (тогда произошли массовые столкновения между абхазами и грузинами. – А.К.), обеспокоенные обострением межэтнических противоречий и складывавшейся в Абхазии ситуацией. Жрец Володя Чичба обратился к Дыдрышшу со следующими словами: «Ты знаешь, что это наша земля – не завоеванная нами, а данная тобой, ты обрати внимание на него (имелся в виду лидер грузинской оппозиции

Звиад Гамсахурдиа – сторонник отделения Грузии от СССР и лозунга "Грузия – для грузин". – А.К.), и если это его земля – отдай, а если наша – оставь». Закономерными результатами этой молитвы, по мнению ачандарцев, стали произошедший через несколько лет переворот в Тбилиси, свержение и гибель первого президента постсоветской Грузии Звиада Гамсахурдиа¹².

Во время грузино-абхазской войны – в ноябре 1992 г., когда обстановка на фронте была для абхазов совершенно критической, в святилище состоялось новое массовое моление абхазов. Заур Чичба обратился тогда к Дыдрыпшу со словами, смысл которых был очень близок сказанному его предшественником в 1989 г. «Мы эту землю не захватывали, Бог сам дал нам эту землю, и если она наша на самом деле – то оставь ее нам, если земля их – отдай им и нас больше не мучай. Если ты исполнишь наше пожелание в скором времени – мы на этом месте зарежем быков и отблагодарим тебя».

Как сказал Заур Чичба, когда он произносит молитву в святилище, то «чувствует божество», у него «внутри все дрожит» и слова произносятся «под влиянием вроде бы самого Дыдрыпша». Часто это совсем не те слова, с которыми он думал обратиться к Дыдрыпшу накануне. Возможно, этим объясняются большие текстовые расхождения в разных версиях данной молитвы, причем ее вторая версия, сообщенная автору тем же Зауром Чичба, звучала так: «О Великий Дыдрыпш, мы тебя очень часто беспокоим своими просьбами. Мы не хотим этого, но ты посмотри: нас мало, нас убивают, и если эта земля дана нам тобой, если можно, поскорее рассуди и не дай истребить нас. Если сочтешь возможным, оставь нас хозяевами нашей земли. Если придет время, когда мы будем хозяевами своей земли, мы обязуемся приносить тебе жертвенных животных и каждый год будем резать быка». Еще один текст данной молитвы записан автором со слов участников церемонии в 1995 г.¹³

Сожалеея о большом количестве погибших во время грузино-абхазской войны, Заур Чичба рассматривает ее саму и последовавшее вслед за ней бегство грузинского населения из Абхазии как нечто, predeterminedенное свыше. По его словам, «Дыдрыпш разрешил грузинам поселиться в Абхазии в то время, когда ее земля опустела». Однако после этого грузины повели себя «недостойным образом и наносили вред Абхазии», за что Дыдрыпш решил их наказать и «прогнал туда, откуда они пришли». Гнев Дыдрыпша на грузин был настолько сильным, что наказание было жестоким и в результате многие совершенно невинные люди погибли.

В устной ачандарской традиции отсутствуют какие-либо упоминания о гонениях на жрецов святилища Дыдрыпш в досоветский период. Согласно ей, «турецкие муллы уважали Дыдрыпш», а позднее – «при царе русские ничем не притесняли Дыдрыпш». Интересно, что после крушения Российской империи абхазские большевики стремились использовать традиционную религию в собственных интересах. Как пишет абхазский автор Якуб Лакоба, «...когда понадобилось в конце 17-го года привлечь "киараз"¹⁴ к идее борьбы за советскую власть в Абхазии, а точнее, через эту идею побудить его к более активному противодействию политике грузинских национал-социалистов (грузинских меньшевиков), тогдашний его (киараза. – А.К.) общий руководитель Н. Лакоба привел к присяге его отряды не куда-либо, а на священную гору Дыдрыпш»¹⁵. Позднее, однако, абхазские большевики были почти поголовно уничтожены. С конца 1930-х годов власти стали проводить в жизнь политику воинствующего атеизма и, по словам ачандарцев, «чтобы избежать репрессий местное население было вынуждено скрывать свое истинное отношение к святилищу и о Дыдрыпше можно было говорить только в кругу семьи».

Ачандарская устная традиция олицетворяет пропаганду атеизма в советские времена с поселившимися в окрестностях «при Берии» (т.е. в 1930–1940-х годах) грузинами-переселенцами: «Тогда грузины были на всех постах, наказывали жрецов, вели пропаганду, что Дыдрыпш, апаимбар и т.п. – это обман. Под влиянием грузинских переселенцев, поселившихся в соседних с Ачандарой селах Лыхны, Дуриши и других, местная молодежь начала терять веру и обвинять старших в

отсталости. В Ачандаре же молодые сохранили уважение к старшим и к Дыдрышшу».

Действительно, многолетняя атеистическая пропаганда советских властей принесла определенные результаты: в утрате молодежью веры во всемогущество Дыдрышша ачандарцы видели одну из основных причин роста преступности в среде абхазов в постсоветский период. При этом спокойная обстановка в Ачандаре резко контрастирует с ситуацией в других, даже соседних абхазских селах, где проблема преступности стоит довольно остро. Местные жители объясняют отличие Ачандары от других сел изначальным благотворным влиянием Дыдрышша: от него их предки переняли правила поведения, которые затем непрерывно передавались от родителей к детям вплоть до настоящего времени. Во многом благодаря строгим правилам поведения в обществе (для человека считается непозволительным даже словами обидеть своего собеседника) «между ачандарскими фамилиями никогда не было вражды».

Впрочем, отсутствие преступности в Ачандаре совсем не означает, что местная молодежь сильно отличается от своих сверстников из других сел. В послевоенный период значительная часть абхазской молодежи оказалась криминализированной, и ачандарцы совсем не составляют тут исключения. Об этом, в частности, свидетельствует уголовная хроника в местных газетах, в которой упоминания о выходцах из Ачандары, совершивших различные преступления, встречаются довольно часто. Однако ачандарцы никогда не совершают преступлений в родном селе, в чем можно увидеть боязнь перед возможной карой Дыдрышша. К тому же местное население в этом отношении надеется не только на всевидение Дыдрышша: на сельских сходах односельчане несколько раз предупреждали «неблагополучную» молодежь, что в случае совершения неблагоприятных поступков из села будут выселены не только сами виновные, но и их семьи.

В постсоветский период абхазские власти отменили любые ограничения на деятельность последователей различных религий и культов. В стране продолжают службы в православных храмах, очень активно действуют баптисты, адвентисты седьмого дня, кришнаиты, свидетели Иеговы. После отказа властей от вмешательства в дела религии у людей отпала необходимость скрывать свои религиозные чувства, и в ноябре 1992 г. в молении в святилище Дыдрышша наряду с местным населением и старейшинами принимали участие многие представители абхазской администрации. Церемония была заснята и показана по телевидению «всей Абхазии и Грузии тоже».

Спустя год после победы над грузинской армией в благодарственном молении Дыдрышшу приняло участие практически все государственное руководство Абхазии, включая ее президента Владислава Ардзинба. С тех пор ни одно массовое благодарственное моление в святилище Дыдрышша не обходится без участия высших руководителей Абхазии. В некоторых случаях власти считают возможным обратиться к Дыдрышшу за помощью. Как рассказали ачандарцы, летом 1996 г. к святилищу пришли «до 500 человек – все абхазское руководство во главе с президентом Ардзинба» с просьбой «вразумить людей, чтобы они не совершали преступлений», пообещав Дыдрышшу совершать жертвоприношения каждый год в случае, если он остановит преступность.

По утверждению Заура Чичба и других ачандарцев, «сейчас в Дыдрышша верит вся Абхазия», что отчасти подтверждается уважительными высказываниями по отношению к святилищу Дыдрышша, услышанными автором от абхазов, проживающих как рядом с Ачандарой, так и в удаленных от Ачандары селах. В то же время в среде получивших современное образование абхазов довольно часто высказывалось весьма скептическое отношение к традиционным абхазским институтам и культам. При этом многие собеседники утверждали, что «во время войны все решили молодые», действовавшие уверенно, по своему собственному разумению и «вопреки воле и нерешительности старших».

В отличие от письменных источников устная традиция не имеет характера хроники, постоянно изменяется под влиянием происходящих событий и обладает многими общими чертами с фольклором. Обращают на себя внимание происходящие в ней в последние годы большие изменения в толковании старых понятий, постепенное исчезновение многих персонажей традиционной абхазской религии¹⁶. Устная традиция, несомненно, не могла не испытать на себе сильнейшего воздействия драматических потрясений последних лет, и теперь многие исторические факты и связанные со святилищами события трактуются исключительно с точки зрения нынешнего грузино-абхазского противостояния.

Несмотря на длительное господство государственного атеизма, значительная часть абхазов сохранила уважительное отношение к традиционным святилищам и их значение в постсоветской Абхазии постоянно возрастает. В число государственных праздников Абхазии наряду с христианскими и мусульманскими официально включен день 14 января – день ежегодного фамильного моления абхазов у *ажирь* (символа небесной кузницы, почитание которой восходит к древним культам огня и металлов). Семь звезд, изображенные на новом государственном флаге Абхазии, имеют несколько смысловых обозначений, одно из них – семь оберегающих страну традиционных святилищ.

В настоящее время в традиционную религию абхазов включаются почитание святилищ общенационального, местного (сельского, районного) и семейного уровней. Религиозные представления, обряды и правила поведения в святилищах передаются из поколения в поколение через устную традицию. Они не регламентированы строго, могут изменяться под влиянием обстоятельств. Традиционная религия абхазов естественным образом сочетается с выработанными веками морально-этическими принципами поведения людей в семье и обществе и представляет собой составную часть *апсуара* – абхазской сущности и самосознания. Отсутствие застывшей догмы, фанатизма, искусственного навязывания закостенелой обрядности и сознательного подавления человеческой личности, жизнелюбие, уважение к другим религиям, приспособляемость к меняющемуся окружающему миру и повседневным людским нуждам способствовали выживанию и сохранению традиционной религии абхазов вплоть до настоящего времени.

Примечания

¹ Подробнее об этом см.: Крылов А.Б. Традиционные институты абхазов: прошлое и современность // Идентичность и конфликт в постсоветских государствах. М., 1997. С. 184–205.

² У абхазов насчитывается сейчас около 600 фамилий – *ажва* (в переводе «семья», «фамилия»), объединяющих всех однофамильцев, считающихся по отношению друг к другу родственниками.

³ См.: Уварова П.С. Кавказ. Абхазия, Аджария, Шавшетия. Ч. 2. М., 1891. С. 158; Джанашиа Н.С. Статьи по этнографии Абхазии. Сухуми, 1960. С. 112–114.

⁴ Чурсин Г.Ф. Материалы по этнографии Абхазии. Сухуми, 1957. С. 39–40.

⁵ Там же.

⁶ Возможно, память информантов о тесных отношениях между этими фамилиями ввела в заблуждение С.И. Бахиа – автора интересной работы об абхазской патронимии, рассматривавшую Чичба и Ачба как представителей одной и той же фамилии и указывавшую, что в Ачацдаре «жили представители следующих фамилий: Чичба (Ачба), Хагба, Чамагуа, Агрга, Гулба, Царгуш и др.». См.: Бахиа С.И. Абхазская «абипара» – патронимия (грузино-абхазские этнографические параллели). Тбилиси, 1986. С. 25.

⁷ Необходимо отметить, что употребляемые ныне для обозначения верховного Бога абхазов имена Ацца (или Анца), весьма приблизительно передают сложное сочетание звуков «ч», «ц» и «щ» с энергичным на них ударением в середине слова.

⁸ «*Апаимбар*» – в переводе «земной пророк», может также иметь значение «старший человек», пользующийся беспрекословным авторитетом у «младших» родственников и знакомых.

⁹ Чурсин Г.Ф. Указ. раб. С. 44.

¹⁰ Описания и рисунки находившихся в святилище предметов, сделанные различными путешествен-

никами и учеными на протяжении XIX и в начале XX в., мало чем отличаются друг от друга, но сильно расходятся с устной ачандарской традицией. Григорий Чурсин, например, так перечислял находившиеся в святилище и считавшиеся неприкосновенными предметы: «Медный котелок, церковная медная чаша, похожая на полоскательницу, медная крышка сосуда, другая крышка с мелкими отверстиями. У самого дерева лежал обломок стрелы раздвоенного типа; на земле под опавшими листьями лежал сплюснутый железный шлем по следам ударов шашки; тут же лежала заржавлевшая ручная железная пила (ножовка) с деревянной ручкой» (Чурсин Г.Ф. Указ. раб. С. 40). Видимо, культовая ценность находившихся в святилище предметов повлияла на устную традицию, которая превратила медные и железные предметы в золотые.

¹¹ Джанашии Н.С. Указ. раб. С. 112.

¹² Трактовка результатов данного моления Спартакoм Жидковым, хорошо информированным автором книги «Бросок малой империи», несколько отличается от мнения ачандарских крестьян. Этот автор указывает, что в 1989 г. «абхазы оставались враждебны грузинскому национальному движению, видели в нем только плохое. Они даже обращались на одном своем сходе к старым языческим богам, прося у них защиты против новоявленных врагов. Неизвестно, кто был тому причиной – древние боги или советские спецслужбы – но вскоре, 13 октября, в автомобильной катастрофе погибли несколько лидеров грузинских неформалов, в том числе Зураб Чавчавадзе и наиболее выдающийся из вождей – Мераб Костава» (Жидков С. Бросок малой империи. Майкол. 1994. С. 73.).

¹³ Крылов А.Б. Указ. раб. С. 195.

¹⁴ Киараз – вооруженный отряд, созданный из возвратившихся на родину военнослужащих русской армии.

¹⁵ Газета «Народная партия Абхазии». № 13. 7 декабря 1997.

¹⁶ К примеру, Зауру Чичба не было известно такое название горы Дыдрыпш, как *Аньтсныха*, которое широко использовалось еще в недавнем прошлом и было зафиксировано большинством авторов, описывавших святилище в XIX – начале XX вв. Другой важнейший персонаж традиционной абхазской религии – *Шанза* он вспомнил с большим трудом и лишь в форме устоявшегося выражения «Шанза быжпыха», используемого в том случае, когда необходимо обратиться к совокупности (силе) всех семи главных оберегающих Абхазию святилищ одновременно.

А.В. К р у л о в. Abkhazian Sanctuary Dydrypsh: Past, Today and the Oral Tradition

The article is devoted to the most revered sanctuary of modern Abkhazia which is in the village Achandara of Gadautskiy region. On the basis of the publications of 19th – the beginning of 20th c., private observations in 1994–1998 and the talks to inhabitants the author describes the sanctuary, gives the history of its priests from Abkhazian family Chichba and the changings of ceremonies and religious notions of Abkhazians during the soviet period. He gives the modern notion of Abkhazians on divine and supernatural power, shows the role and the place of the sanctuary in the common life and the active revival process of traditional Christian religion in the postsoviet period.

© 1998 г., ЭО, № 6

В. Е. Б а г л а й

ДРЕВНЕАЦТЕКСКАЯ МЕДИЦИНА

(этнографический аспект)

Когда европейцы в лице испанских конкистадоров впервые оказались на мексиканской земле, их здесь поразило многое – окружающая природа, образ жизни людей. Позднее, описывая свои впечатления, они наряду с прочими удивительными моментами, с которыми им пришлось столкнуться на этой ранее неведомой земле, особенно выделяли необычайно развитые медицинские познания аборигенов. Сам руководитель испанских завоевателей испытал на себе древнемексиканское искусство врачевания: раненный в голову в битве при Отумбе, Э. Кортес был успешно прооперирован лекарем-индейцем из Тлапскалы¹.